

Ван Дачжуан находился на кухне, готовя для Сяньцзюня запечённую духовную птицу и салат из духовных трав. Внезапно два ученика в белых одеждах влетели внутрь, закружили его в вихре и унесли с собой. В свисте ветра он только и услышал слова Янь Луяна:

— Старейшина Ханьян снова в ярости...

Когда они добрались до пещеры Сяньцзюня, Ван Дачжуан увидел, как тот стоит перед входом, его длинные волосы и одежда развеваются, несмотря на полное безветрие. Он уже поднял руку, готовясь сложить печати для разрушения горы, а вокруг толпились встревоженные ученики, отчаянно взывая:

— Старейшина Ханьян, усмирите гнев!

Кто-то заметил, как Янь Луян несёт Ван Дачжуана, и на их лицах появилось выражение облегчения. Они закричали:

— Господин Цзися, спасите нас!

Янь Луян поставил Ван Дачжуана на землю и, словно ветер, умчался прочь.

А Ван Дачжуан, привычным движением, подбежал к Сяньцзюню и, обхватив его за талию, потащил обратно в пещеру.

Ученики, которые уже готовились совместно создать защитный барьер, вздохнули с облегчением. «Всё в порядке, всё в порядке», — говорили они, расходясь в разные стороны.

Ах, господин Цзися снова показал свою мощь. Одним лишь своим присутствием он разрядил грозовую тучу и предотвратил катастрофу.

Внутри пещеры Сяньцзюнь бушевал:

— Где ты был?!

— Готовил тебе еду, — честно ответил Ван Дачжуан.

Юй Чанцин немного смягчился, но всё же недовольно нахмурился:

— Сколько раз я тебе говорил, если куда-то идёшь, скажи мне!

— Я же сказал тебе, разве ты забыл? — удивился Ван Дачжуан.

Юй Чанцин на мгновение замер, его лицо напряглось, но затем он лишь холодно фыркнул:

— Хм!

Ван Дачжуан осторожно спросил:

— Почему ты опять злишься?

Юй Чанцин тут же взвился:

— Что значит опять?! Ты хочешь сказать, что я постоянно злюсь?!

Многолетний опыт научил Ван Дачжуана быстро находить выход из сложных ситуаций. Он сразу же ответил:

— Нет-нет, Сяньцзюнь, ты самый спокойный. Так почему ты злишься?

При упоминании причины гнева Юй Чанцин снова разозлился:

— Куда делась жареная духовная птица, которую ты вчера приготовил?!

Ван Дачжуан растерянно заморгал.

— Ты... хотел разрушить гору из-за птицы? Но... ты же её не съел. Я не хотел, чтобы еда пропадала, и раз уж другие ученики тоже были голодны, я... отдал её.

Чем больше он говорил, тем мрачнее становилось лицо Юй Чанцина, и его голос становился всё тише:

— Что... что-то не так?

Лицо Юй Чанцина из белого стало чёрным от гнева.

— Что не так?! Ты ещё спрашиваешь, что не так?! Это была моя птица! Моя! Ты отдал мою еду другим! Ты вообще хоть раз ставил меня на первое место?!

Ван Дачжуан, будучи человеком бережливым, тихо пробормотал:

— Ты же её не съел... Жалко же выбрасывать...

Юй Чанцин чуть не взлетел от ярости:

— Я говорил, что не буду есть?! Ты приготовил сразу трёх! Я просто не смог съесть всё сразу! И даже если бы я не съел, это моё! Это то, что ты приготовил для меня! Кто дал им право её есть?! Кто дал право?!

Ван Дачжуан, видя, что его Сяньцзюнь буквально закипает, поспешил успокоить его:

— Ладно, ладно, это моя ошибка. Отныне всё, что я готовлю, буду отдавать только тебе, никому больше, так что не злись. Злость вредит здоровью, а ты ведь когда-то получил серьёзную травму. Хоть за эти годы и поправился, но всё же нужно беречь себя...

Юй Чанцин смотрел на Ван Дачжуана, который с беспокойством бормотал и обещал больше не отдавать еду другим. Его гнев постепенно утих, как сдувшийся шарик.

— Хм!

Ван Дачжуан, заметив перемену в его выражении, понял, что кризис миновал, и с облегчением вздохнул. Его взгляд упал на цветок, застрявший на плече Сяньцзюня, и он с улыбкой смахнул его.

Юй Чанцин увидел, как он вновь растянул губы в мягкой, беззаботной улыбке, и тут же почувствовал новый всплеск раздражения:

— Ты вообще можешь проявить характер?! Ты всем улыбаешься! Продолжишь в том же духе, и скоро даже внешние ученики начнут помыкать тобой! Ты знаешь, что доброту часто воспринимают как слабость?!

Ван Дачжуан поднял голову и с недоумением посмотрел на него.

— Но... я всегда таким был. Это у меня в крови, я не могу измениться.

Гнев Юй Чанцина снова начал нарастать.

Ван Дачжуан продолжил:

— К тому же, разве у меня нет тебя? Ты так добр ко мне, кто посмеет меня обидеть?

Шарик гнева Юй Чанцина снова сдулся. Его бледное лицо покрылось лёгким румянцем. Он раздражённо махнул рукавом и сел.

— Кто это добр к тебе? Хм!

Но, увидев, что Ван Дачжуан по-прежнему улыбается ему, он почувствовал, что лицо горит ещё сильнее. Чувствуя себя неловко, он поспешил сменить тему:

— Что ты мне приготовил?!

Только сейчас Ван Дачжуан вспомнил о забытой еде. Он хлопнул себя по лбу, вскрикнул и бросился бежать.

Юй Чанцин, видя, как он вихрем вылетел из пещеры, тоже пошёл следом. Ещё не дойдя до кухни, он уже услышал трагический вопль Ван Дачжуана:

— Моя жареная курица! Вся сгорела!

Юй Чанцин остановился у двери кухни и, вытянув шею, увидел обугленную тушку в руках Ван Дачжуана.

— Подгорела? Дай-ка мне взглянуть.

Ван Дачжуан подошёл с угрюмым видом.

— Всё из-за тебя! Посмотри, что получилось!

Юй Чанцин взял подгоревшую птицу, осмотрел её со всех сторон, сорвал самый верхний слой обугленной кожицы и, бросив на него взгляд в духе «ты преувеличиваешь», спокойно сказал:

— Да она вполне съедобная.

Ван Дачжуан: «...»

Он терпеть не мог, когда его Сяньцзюнь ел что-то невкусное. Протянув руку, он попытался забрать птицу.

— Не ешь это! Я приготовлю новую. А эту оставляю себе.

Юй Чанцин ловко увернулся и привычно закатил глаза.

— Какая разница, кто её съест?

Он сам нашёл тарелку, положил на неё изуродованную птицу и сел за каменный стол под деревом, оторвав ножку и откусив кусок.

Ван Дачжуан, видя, что он уже начал есть, поспешно принёс салат.

— Вот, попробуй это, он помогает от жара.

Юй Чанцин остановился с палочками в руке и поднял глаза.

— Ты намекаешь, что у меня плохой характер?

— Конечно нет! Ты замечательный. Я просто беспокоюсь о твоём здоровье, — весело улыбнулся Ван Дачжуан.

— ...Хм!

Увидев, что Ван Дачжуан сел напротив, он спросил:

— Почему ты не ешь?

— Я пока не голоден. Приготовил это, чтобы порадовать тебя. Ты ведь весь день тренируешься и практикуешься с мечом, это тяжело.

Юй Чанцин спокойно заметил:

— Культивация меча — тяжкий труд. Среди всех путей культивации он самый изнурительный. Но и сила мечников — это факт, который никто не оспорит.

Ван Дачжуан кивнул.

— Я понимаю. Поэтому и стараюсь приготовить тебе что-то вкусное, чтобы поддерживать твои силы.

Юй Чанцин опустил глаза, молча съел немного салата, который, как было сказано, помогал от жара, и снова заговорил:

— Но ты тоже не трать слишком много времени на такие мелочи. Как у тебя успехи с «Зелёной Горной Лозой»?

Ван Дачжуан на мгновение замешкался, а затем неуверенно ответил:

— Вроде неплохо...

Нахмурившись, он вдруг добавил:

— Сяньцзюнь, почему у всех мечи такие красивые и грозные? Вот твой «Летящий Иней» — такой острый и свирепый! А мой... совсем не похож на меч!

<http://bllate.org/book/12569/1117958>